

RU

Понятия природы и культуры у И. В. Гете и Н. А. Заболоцкого
в контексте неоплатонической системы представлений

Казакова И. Б.

Аннотация. Цель исследования - уяснить специфику понимания И. В. Гете и Н. А. Заболоцким проблемы соотношения природы и культуры. В статье рассматриваются особенности понимания природы и культуры И. В. Гете и Н. А. Заболоцким - поэтами, которых объединяет близость к неоплатонической системе представлений. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении возможностей античного и новоевропейского неоплатонизма для создания концепции культуры, а также в сопоставлении взглядов И. В. Гете и Н. А. Заболоцкого на проблему природы и культуры. В результате доказано, что неоплатонические элементы в мировоззрении И. В. Гете и Н. А. Заболоцкого позволили каждому из них сформировать собственные представления о соотношении природы и культуры.

EN

J. W. von Goethe's and N. A. Zabolotsky's Notions of Nature and Culture
in the Context of the Neoplatonic System of Ideas

Kazakova I. B.

Abstract. The aim of the study is to clarify the specifics of J. W. von Goethe's and N. A. Zabolotsky's understanding of the issue of the nature-culture relationship. The paper examines the peculiarities of the understanding of nature and culture by Goethe and Zabolotsky, the poets who are united by the similarity of their views to the Neoplatonic system of ideas. Scientific novelty of the study lies in considering the possibilities of ancient and new European Neoplatonism for creating a concept of culture, as well as in comparing Goethe's and Zabolotsky's views on the issue of nature and culture. As a result, it has been proved that the Neoplatonic elements in Goethe's and Zabolotsky's worldview allowed each of them to form their own ideas about the relationship between nature and culture.

Введение

Актуальность исследования связана с анализом опыта взаимодействия интеллектуальных традиций различных эпох, а также заключена в выявлении особенностей рассмотрения понятий природы и культуры в античной и новоевропейской интеллектуальных традициях. Для достижения поставленной в исследовании цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, на примере философской концепции Плотина уяснить, каким образом проблема соотношения природы и культуры решается в античном неоплатонизме; во-вторых, рассмотреть способы решения данной проблемы И. В. Гете и Н. А. Заболоцким. Для достижения поставленных задач в работе используются герменевтический метод, позволяющий интерпретировать теоретические и художественные сочинения И. В. Гете и Н. А. Заболоцкого, а также сопоставительный метод.

Теоретической базой исследования выступают сочинения Плотина (1995), исследования античного неоплатонизма (Лосев, 1975; 2000; Рист, 2005), а также теоретические работы И. В. Гете (1957; 1976; 1980) по естествознанию и эстетике.

Материалом исследования послужило творчество Н. А. Заболоцкого (Избранные произведения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1972. Т. 1).

Практическая значимость работы заключается в том, что ее выводы можно будет использовать для дальнейшего изучения проблемы соотношения природы и культуры в различных культурных контекстах, а также для исследований философского содержания художественных сочинений И. В. Гете и Н. А. Заболоцкого. Результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания истории литературы и культурологических дисциплин.

Основная часть

Сопоставление понятий природы и культуры является одним из лейтмотивов теоретической мысли Нового времени, хотя различные варианты осмысления этих или близких им понятий имеются и в философии предшествующих эпох (Сухолет, 2002). Существует мнение, что античная философия хотя и оперировала понятием «фюсис» (природа), еще не предполагала такого противопоставления: под фюсис подразумевались порядок вещей или их внутренняя природа, а человек и его мир не воспринимались отдельно от природно-космического окружения (Петров, 2000, с. 421-429). Как пишет А. Ф. Лосев (2000), «античность есть культура, вырастающая исключительно на онтологической базе <...>. Она не знает абсолютно изолированного человеческого субъекта, так как этот опыт возможен только как модификация абсолютно-личностной мифологии, то есть христианства. Как бы субъект тут ни изолировался, в конечном счете он всегда только подчиненный (и часто весьма не первостепенный) момент космического целого» (с. 641).

Однако проблема человеческого мира как искусственного и отделенного от природного была известна до некоторой степени и античной философии, в частности неоплатонизму, сторонники которого и после завершения античной эпохи предпринимали попытки объяснить сущность и характер взаимоотношений природы и культуры как естественного и искусственного, опираясь на основополагающие положения этого учения. Так возникали различные варианты решения этого вопроса, в которых положения античного неоплатонизма дополнялись или корректировались представлениями других эпох, благодаря чему стали наглядными как возможности, так и границы неоплатонического подхода в рассмотрении проблемы соотношения природы и культуры.

В истории литературы наиболее значительные попытки включить в неоплатоническую систему представлений элемент искусственного в виде мира человеческой культуры были предприняты И. В. Гете и Н. А. Заболоцким. Этих поэтов, относящихся к разным странам и литературным эпохам, объединяет близость к неоплатонизму в самых важных мировоззренческих вопросах, а также стремление модернизировать эту интеллектуальную традицию и сделать ее более близкой своим современникам.

Чтобы понять специфику воззрений неоплатоников И. В. Гете и Н. А. Заболоцкого на проблему соотношения природы и культуры, необходимо выяснить, как эта проблема решалась в античном неоплатонизме.

Неоплатонизм предлагает стройную и всеобъемлющую картину иерархически выстроенного мира, в котором из первоисточка – Единого – путем эманации возникают все последующие уровни бытия (Мировой Ум, Мировая Душа, космос), каждый из которых является отражением и ухудшенной копией предшествующего уровня. Эта четырехчастная структура мироздания воспроизводится в индивидуальных существах (в первую очередь в людях), каждое из которых обладает умом, душой, телом и является единством. Процесс эманации происходит безостановочно: из Единого эманации эйдосы (идеи), образуя Мировой Ум, из которого далее идеи попадают в Мировую Душу. Потом, переходя из Души в космос, идея соединяется с материей – становится душой и формой индивидуального существа, а затем, отделившись от него после смерти физической оболочки, начинает путь назад, к первоединству (Лосев, 2000, с. 222-227).

Такое понимание мироустройства делает проблематичным объяснение всего, что выходит за рамки природных циклов. Если все движение в мире – это вечный круговорот вечных идей, то как объяснить индивидуальную человеческую судьбу, уникальность социальных, исторических и культурных реалий – всего того, из чего складывается надприродное бытие человека? Отчасти неоплатонизм пытается ответить на этот вопрос с помощью понятий судьбы и демона.

Подлинной причиной всего, что происходит в становящемся мире, согласно основателю неоплатонизма Плотину (1995, с. 75), является душа (Плотин «О судьбе» (III 1)). Мировая Душа ни от чего не зависит и обладает полной свободой. Но для душ, связанных с телом, свобода уже ограничивается, так как тело может связывать душу различными случайными мелкими побуждениями («О сомнениях души. Книга первая» (IV 3)). Эту зависимость от материальных условий неоплатонизм объясняет судьбой – бездушной силой, действующей случайно или predetermined. Таким образом, будучи обладателем индивидуальной души – эманации и уменьшенной копии Мировой Души, человек свободен, но наличие тела делает человека зависимым от физического мира и ограничивает свободу души.

Для применения учения о судьбе к отдельному человеку в неоплатонизме используется понятие демона, под которым понимается тип земной жизни, который мы выбираем перед материальным воплощением. Существует целая иерархия демонов: свои демоны есть у звезд, у животных, у растений. Относительно человеческого демона неоплатонизм учит, что люди имеют возможность изменять свой удел: душа человека может подняться до звезд, и тогда демон этой звезды станет и ее демоном, а может и спуститься в самые низины («О присущем каждому демону» (III 4)) (Плотин, 1995, с. 217-218). Соединившись с материей, индивидуальная душа вынуждена заботиться о доставшемся ей участке космоса, оформлять и направлять связанную с ней материю (IV 3) (Плотин, 1995, с. 76). Во всех этих действиях индивидуальных душ много общего, но учение Плотина предполагает и некоторые различия. Обобщая этот аспект философии Плотина, Дж. М. Рист (2005) пишет: «Все, очевидно, зависит от природы самой души и от ее собственной силы избрать свою собственную судьбу. Но этот выбор не только влияет на тип материального объекта, который индивидуальная душа создает и которым она будет управлять, но также и на степень этого управления» (с. 145). Таким образом, учение о демоне помогает до некоторой степени объяснить различия между людьми, однако в том виде, в каком оно предстает в неоплатонизме – например, в упомянутом трактате Плотина «О присущем каждому демону» (III 4) – оно не выводит человеческую жизнь за пределы космоса.

Одним из способов выхода за пределы природного (циклического, внеиндивидуального) мира является искусство, всегда нацеленное на создание чего-то нового и уникального – таким этот вид деятельности предстает в эстетике, начиная с эпохи Возрождения (Гилберт, Кун, 2000, с. 190). Однако античный неоплатонизм не рассматривает искусство с этой точки зрения: для него искусство и в художественном, и в техническом аспектах ничем принципиально не отличается от природы, выступая лишь подражательной деятельностью человека, через которую проявляют себя Мировой Ум и Мировая Душа. Творец выступает в роли медиума, и любые попытки осознанного вмешательства в процесс материального воспроизведения идеальных форм расцениваются в неоплатонизме как признак слабости и несовершенства художественной интуиции. Плотин (1995) пишет об этом: «Размышления – это отличительная черта нашей сферы; Душа действует потому, что она сбита с толку, озабочена, утратила часть своей силы; в размышлениях нуждается только менее созерцательный разум; ремесленник, столкнувшись с проблемой, прекращает работу; там же, где проблем нет, его искусство работает само по себе» (IV 3) (с. 81).

Продолжая развивать эту мысль, Плотин (1995, с. 115) утверждает, что мышление свидетельствует о неполноте знания и прекращается, когда необходимое знание обретено (IV 4). Мировой Ум, создающий вселенную, действует не осознанно и целенаправленно, а в соответствии с заложенными в него принципами, поэтому «творящая сила никоим образом не подвержена тяге к экспериментам, она не ведает ни сомнений, ни озабоченности» (IV 4) (с. 116). Таким образом, для неоплатонизма любая попытка выхода за пределы предустановленного сценария, по которому живет универсум, возникает в результате ненужной рефлексии, свидетельствующей о слабости индивидуального ума, и очень нежелательна, потому что может нарушить существующую гармонию. Плотин (1995) говорит об этом, рассуждая о деятельности Мирового Ума во вселенной: «Никакие вариаций быть не может, потому что, если бы они были, то могли бы быть и неудачи» (IV 4) (с. 115).

Таким образом, неоплатонизм допускает некоторое отступление от повторения одних и тех же циклов в жизни индивидуальных существ (но не в жизни универсума), обусловленное в одних случаях особенностями индивидуальной судьбы, в других – сознательными усилиями человека, однако такие отступления приводят лишь к ошибкам. Только внутри космической жизни можно обрести гармонию, мудрость и смысл существования.

Казалось бы, такая принципиальная неразделенность естественного и искусственного, свойственная неоплатонизму, лишает эту философскую систему какой-либо возможности выхода за пределы очерченных ею в этом вопросе границ, однако, как уже было сказано, в истории неоплатонизма были попытки интегрировать в него концепцию культуры как надприродного уровня мироздания и даже высказывалась мысль о том, что искусственное может быть ближе к первообразу, чем естественное. Особенно заметными эти попытки стали в эпоху Нового времени, в которой неоплатонизм оказался востребованным в первую очередь в области эстетики (Гилберт, Кун, 2000, с. 254).

Одна из самых значительных попыток интегрировать античные (в первую очередь неоплатонические) и новоевропейские элементы в едином учении была предпринята И. В. Гете (1976, с. 296), приверженность которого неоплатонизму декларировалась им самим и отмечалась исследователями его творчества (Koch, 1925). Неоплатоническое влияние заметно во многих его сочинениях и в первую очередь в «Фаусте» – наиболее философски насыщенном произведении немецкого поэта. Наряду с другими проблемами Гете рассматривал в своей трагедии и вопрос о взаимодействии природы и культуры, для решения которого использовал неоплатоническое учение о демоне. В «Фаусте» тема демонического связана с образом алхимического человечка Гомункула, возникшего в лаборатории Вагнера при содействии Мефистофеля. В своих беседах с И. П. Эккерманом Гете неоднократно упоминал о демонической природе Гомункула. Например, Эккерман (1986) приводит такие слова поэта: «Духовные создания вроде Гомункулуса, не конца очеловеченные, а потому еще ничем не омраченные и не ограниченные, причислялись к демонам» (с. 330). В пересказе Эккермана гетевского объяснения природы демонического выглядит следующим образом: «Продуктивность *высшего порядка*... любое озарение или великая и плодотворная мысль... никому и ничему не подчиняется, она превышает все земное – человек должен ее рассматривать как нежданный дар небес, как чистое Божье дитя... Все это сродни демоническому; оно овладевает человеком, делая с ним, что вздумается... Таким образом, человек нередко становится орудием провидения, и его следует рассматривать как сосуд, предназначенный для приема той влаги, которую волеет в него Господь» (с. 554). Однако, признавая, что демоническое начало входит в жизнь человека извне и значительно на нее влияет, Гете признает и необходимость активного взаимодействия человека со своим демоном, что вполне соответствует неоплатоническому учению, в котором человек может обрести более высокого демона или утратить его. Согласно Плотину (1995, с. 213), своим образом жизни человек определяет, каким будет его демон в следующей жизни. Если человек не соответствовал своему человеческому демону и вел низменную жизнь, полную зла и пороков, в следующем перерождении он получит животного или растительного демона – иными словами, переродится в животном или растительном виде (III 4). Для Гете эта мысль была очень важна, и в разговорах с Эккерманом (1986, с. 349) для ее объяснения он использовал синонимичные для него понятия энтелехии и монады. Так, поэт выразил убеждение, что «наше существование будет продолжаться, ибо природе не обойтись без того, что понимают под энтелехией. Но бессмертны мы не в равной мере, и для того, чтобы в грядущем проявить себя как великую энтелехию, надо ею быть» (с. 327). Кроме того, Гете верил, что человек, подчинивший свою материальность духовному началу, сохраняет физическую молодость гораздо дольше людей со «слабой» энтелехией (Eckermann, 1918, S. 568).

Понятие энтелехии (греч. «осуществление») И. В. Гете позаимствовал у Аристотеля, у которого оно обозначает переход от потенции к энергии, содержащей в себе свою материю, причину и цель. Отличие энтелехии от простого движения, по словам А. Ф. Лосева (1975), заключается в том, что «обыкновенное движение

стремится к цели, которая находится вне его самого, энтелехия же содержит свою собственную цель в себе самой. Кроме того, эту цель Аристотель не отличает от причины, а то и другое, цель и причину, отождествляет с формой, точнее же сказать, с эйдосом, поскольку форма-эйдос и есть, по Аристотелю, принцип и источник всякого оформления» (с. 110).

Гетевское отождествление демона и энтелехии указывает на то, что в понятии демонического самым важным для поэта была возможность раскрытия внутреннего потенциала индивидуальной души. Для неоплатоников высшее самовыражение души – это ее переход из человеческого мира на уровень звезд, планет и надпланетарной сферы, о чем, например, пишет Плотин (1995, с. 216), ссылаясь на платоновского «Тимея» (III 4). Душа в своих перерождениях всегда остается в рамках природного существования, и человеческая форма является для нее не чем-то исключительным, а лишь промежуточком между низшими – животными и растительными – воплощениями и обитанием в высших – планетарных и астральных – сферах. У И. В. Гете, по видимому, человеческое воплощение души – это самая высокая участь и ее дальнейший рост связан не с переходом в другие области космоса, а с достижениями именно в человеческом мире. Человеческая энтелехия дает возможность бесконечной творческой самореализации в сфере культуры, благодаря которой душа обретает индивидуальность и уникальную судьбу – именно об этом и мечтает в «Фаусте» Гомункул.

В «Фаусте» И. В. Гете рассматривает проблему перехода индивидуальной души из природной сферы в мир культуры, опираясь на натурфилософские и алхимические представления. В своих теоретических сочинениях он также обращается к этой проблеме, решая ее уже с точки зрения эстетики. Рассматривая природу художественного творчества, Гете приходит к выводу, что искусство подобно природе, но только это уже другая природа, облагороженная человеческим духом, создавшим ее. Так, в диалоге «О правде и правдоподобию в искусстве» Гете (1980) высказывается мысль о превосходстве искусства над природой: «Совершенное произведение искусства – это произведение человеческого духа и в этом смысле произведение природы. Но так как в нем сведены воедино объекты, обычно рассеянные по миру, и даже все наиболее пошлое изображается в его подлинной значимости и достоинстве, то оно стоит над природой. Оно поддается восприятию только духа, зачатого и развившегося в гармонии, а тот, в свою очередь, находит в произведении нечто прекрасное, законченное в себе и вполне соответствующее его природе» (с. 62–63). Подобная точка зрения – не редкость в эстетике XVIII века, видевшей преимущество искусства перед природой в большей долговечности его произведений, в их идеальном и обобщенном характере, в одухотворенности продуктов художественного творчества. Гете примыкает к этой традиции, при этом для него особенно важно, что искусство возвышается над природой, но тем самым возвышает и саму природу в лице ее лучшего создания – человека. «Высший продукт постоянно совершенствующейся природы – это прекрасный человек. Правда, природе лишь редко удается создать его... Против этого и выступает искусство: человек, поставленный на вершину природы, в свою очередь, начинает смотреть на себя как на природу в целом, которая сызнова, уже в своих пределах, должна создать вершину. С этой целью он возвышает себя, проникаясь всеми совершенствами и добродетелями, вызывает к избранному, к порядку, к гармонии, к значительному и поднимается, наконец, до создания произведения искусства», – утверждает Гете (1980, с. 164) в статье «Винкельман и его время». То есть, по мнению Гете, духовная эволюция человека – это часть природной эволюции, а искусство – это результат эволюции и фактор дальнейшего развития. Человек, духовно совершенствуясь, создает искусство, которое, в свою очередь, способствует дальнейшему духовному росту человека. Таким образом, искусство и, в более широком смысле, творческая деятельность способствуют выходу человека за пределы чисто природного существования.

Если И. В. Гете связывает выход человека из природного мира в мир культуры с осмысленной творческой деятельностью, то Н. А. Заболоцкий создает концепцию, согласно которой предназначение природы заключается в рождении культуры, а человек – это посредник между сферами природного и культурного.

Тема природы в творчестве Н. А. Заболоцкого была одной из самых важных, при этом поэт представлял взаимоотношения человека и природы как сложные и неоднозначные, полные противоречий, но в то же время стремящиеся к гармонии. Очень четко в натурфилософской поэзии Заболоцкого обозначается проблема взаимодействия природы и культуры. Эти два мира у него, с одной стороны, четко ограничены, но, с другой стороны, не взаимозамкнуты и связаны генетически. Йоост ван Баак (2003) пишет об этом: «Иногда складывается впечатление, что для Заболоцкого природа уже заключена в культуре. Природа не только шире культуры, но охватывает ее и даже является для нее аксиологическим мерилем (заботясь о добре и зле); они по меньшей мере эквивалентны и могут обоюдно проникать друг в друга» (с. 51).

Эквивалентность мира природы и мира культуры нередко выражается у Н. А. Заболоцкого (1972, с. 96, 214) с помощью аналогий: дерево напоминает деревянную колонну, а голова коровы – храм; кузнечик страдает, как Гамлет, а шум водопадов подобен спряжению глаголов.

Такие аналогии, соединяющие два мира, можно интерпретировать как особенность образного языка поэта. Однако многие стихи Н. А. Заболоцкого выражают вполне определенные воззрения на связь и отношения двух миров. Эти воззрения не выстраиваются полностью в единую непротиворечивую концепцию, но в них можно проследить две основные идеи – идею круговорота и идею прогресса.

Идея круговорота у поэта связана с его монизмом – так он называл свою убежденность в единстве материи и духа (традиционно такие воззрения определяются как гилозоизм) (Заболоцкий, 1979, с. 225). Н. А. Заболоцкий верил в разумность природы, точнее, в то, что разум «в зачаточном состоянии... присущ всей природе» (Заболоцкий, 1998, с. 189). В творчестве Заболоцкого (1972) этот гилозоизм в сочетании с мыслью о перерождении выражается, например, в таких поэтических строках:

«Как все меняется! Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком;
Поэма шествовала медленным быком;
А то, что было мною, то, быть может,
Опять растет и мир растений множит» (с. 202).

Такая точка зрения делает условным разделение мира на сферы природы и культуры – они постоянно переходят друг в друга, что вполне согласуется с неоплатонической концепцией вечного круговорота.

Мир природы предстает в поэзии Н. А. Заболоцкого (1972) как жестокий и дисгармоничный, и миссия человека – преобразовать природу. В стихотворении «Я не ищу гармонии в природе...» природа, страдающая от «дикой свободы», «где от добра неотделимо зло», видит во сне «блестящий вал турбины, / И мерный звук разумного труда, / И пенье труб, и зарево плотины, / И залитые током провода» (с. 173-174).

Рождение культуры в этом стихотворении изображается поэтом как раскрытие смыслов, латентно содержащихся в природе, – матери, таящей «в себе высокий мир дитяти» (Заболоцкий, 1972, с. 174). В «Предостережении» Заболоцкий (1972) разъясняет эту мысль применительно к художественному творчеству, описывая миссию поэта как раскрытие смысла природы:

«Тревожный сон коров и беглый разум птиц
Пусть смотрят из твоих диковинных страниц,
Деревья пусть поют и страшным разговором
Пугает бык людей, тот самый бык, в котором
Заклучено безмолвие миров,
Соединенных с нами крепкой связью» (с. 116).

В отличие от гетевской эстетической теории, эта концепция творчества предлагает художнику не ориентироваться на готовые природные формы, komponуя их по-новому, а искать источник вдохновения в сфере, предшествующей любым формам. Поэзия рождается там, где нет ничего установившегося: «Соединив безумие с умом, / Среди пустынных смыслов мы построим дом» (Заболоцкий, 1972, с. 116).

Пустыньность смысла – это и есть его неготовность, неоформленность, то самое безумие, которое позволяет творцу избежать вторичности и черпать непосредственно из подлинного источника творчества. Этот источник в последней строке четверостишия определяется как тело, в широком смысле – как физический мир, природа. Тело поэзии – это вода, звезды, животные и растения. Безмолвие этого мира и должен преодолеть поэт, сделав поэзию вербальным выражением природы.

Последняя строфа стихотворения возвращает нас к теме музыки, но уже настоящей – той, которой можно коснуться «чутким ухом». Если поэт уловит эту музыку, его дом разрушится, иными словами, прикосновение к подлинному источнику творчества сопряжено с разрушением всего готового и устоявшегося. Так возникает противопоставление природы и искусства (природы и культуры) как становящегося и ставшего, причем становящееся трактуется как более подлинное. Здесь Н. А. Заболоцкий сближается с И. В. Гете (1957, с. 361-363), который тоже воспринимал природу как вечное становление.

Заключение

Сопоставив взгляды И. В. Гете и Н. А. Заболоцкого на природу и культуру, можно сделать вывод о том, что оба поэта видят в культуре порождение природы, но для Гете природа выступает как среда, в которой демон-энтелехия не может обрести индивидуальность, необходимую для создания культуры. Природа для автора «Фауста» совершенна – нет необходимости что-то менять в ней, и потому энтелехия, приняв человеческий облик, трудится только над совершенствованием мира культуры. У Заболоцкого же человек своей деятельностью преобразует природу, превращая ее в культуру. И Гете, и Заболоцкий пытаются соединить в своей философии природы античную цикличность с идеей прогресса, но у первого прогрессирует только человек как высшее порождение природы, а у второго – мир в целом. С неоплатонизмом в рассматриваемом вопросе Гете (1957) сближает в первую очередь его представление о природе, в которой «все живет, совершается, движется, но вперед она не идет» (с. 361), а Заболоцкого – мысль о тесной связи человека с космосом.

Представляется, что попытки И. В. Гете и Н. А. Заболоцкого интегрировать неоплатоническое учение о природе с новоевропейской идеей культуры не привели к созданию целостного мировоззрения, однако обращение к неоплатонизму позволило им сформировать собственный взгляд на взаимоотношения культуры и природы и найти художественную образность, отражающую их восприятие универсума. Внимание к неоплатоническому контексту творчества Гете и Заболоцкого помогает лучше понять оригинальность этих поэтов и в то же время увидеть родство их натурфилософских и эстетических представлений.

Перспективы исследования рассматриваемой проблемы видятся в дальнейшем анализе элементов неоплатонизма в творчестве И. В. Гете и Н. А. Заболоцкого, а также в дальнейшем изучении становления понятий природы и культуры.

Источники | References

1. Баак ван Й. Заболоцкий и мир // «Странная» поэзия и «странная» проза: филол. сб., посвящ. 100-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого. М., 2003.
2. Гете И. В. Избранные сочинения по естествознанию / пер. и коммент. И. И. Канаева. Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
3. Гете И. В. Поэзия и правда / пер. Н. Ман // Гете И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 3.
4. Гете И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 10.
5. Гилберт К., Кун Г. История эстетики / пер. с англ. Изд-е 2-е. М.: Прогресс, 2000.
6. Заболоцкий Н. Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого. М.: Согласие, 1998.
7. Заболоцкий Н. Н. К творческой биографии Н. Заболоцкого // Вопросы литературы. 1979. № 11.
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики: Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975.
9. Лосев А. Ф. История античной эстетики: поздний эллинизм. Харьков - М.: Фолио; АСТ, 2000.
10. Петров В. В. Тотальность природы и методы ее исследования в «Перифьюсеон» Эриугены // Философия природы в античности и в Средние века / под ред. П. П. Гайденоко, В. В. Петрова. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
11. Плотин. Космогония. М.: REFL-book; ВАКЛЕР, 1995.
12. Рист Дж. М. Плотин: путь к реальности / пер. с англ. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005.
13. Сухолет И. Н. Оппозиция «культура - природа» в истории европейской культурфилософской мысли: метаморфозы смысла: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 2002.
14. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / пер. с нем. Н. Ман. М.: Художественная литература, 1986.
15. Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe: in 2 Bdn. Weimar, 1918. Bd. 2.
16. Koch F. Plotins Schönheitsbegriff und Goethes Kunstschaffen // Euphorion: Zeitschrift für Literaturgeschichte. 1925. Bd. 26. Hf. 1.

Информация об авторах | Author information

Казакова Ирина Борисовна¹, д. филол. н., доц.

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет

Kazakova Irina Borisovna¹, Dr

¹ Samara State University of Social Sciences and Education

¹ kib_sam@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.09.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

Ключевые слова (keywords): И. В. Гете; Н. А. Заболоцкий; неоплатонизм; природа и культура; J. W. von Goethe; N. A. Zabolotsky; Neoplatonism; nature and culture.